

ТРЕЩИНА

Рассказ

1

*Мое потрясение было столь велико,
что я просто не обратил на него внимания.
(Макс Фрай)*

Снег... первый снег в начале ноября. Так рано...

Обычно, когда мне трудно, я смотрю в небо и черпаю силу из необъятности его синевы. Но сейчас уже ноябрь, и небо затянуто серой пеленой, монотонной серой пеленой, которая беспорядочно рассыпает белый снег по грязи. Грязь растекается лужами по асфальту, перемешивается с землей, а затем бурыми налетами поднимается по домам до самого неба, отражается в нем. Все стало едино в серости — небо и земля слились — и лишь хлопья белого снега кратким миготом откровения мельтешат между ними. Так и люди. Все мы становимся грязными, но изредка чистота чувств, вопреки нашей сути, соединяет сердца.

Ненадолго...

Отчего это хочется сравнивать перемены погоды с переменами в своей жизни? Мы расстались — и небо стало серым, мы расстались — и холод сковал Крым, мы расстались — и в начале ноября, чего, кажется, никогда не бывало, пошел первый снег. Идет себе, перемешиваясь с дождем, стекает слезами по оконным стеклам. Но это только мои мысли, а ты так не думаешь. Нет, неправильно говорить, что мы расстались, неправильно. Правильно говорить, что ты ушла.

Я стал понимать странную фразу: «Мое потрясение было столь велико, что я просто не обратил на него внимания». Чтобы обратить на что-то внимание, осмыслить его, надо смотреть издали, а когда это «что-то» захватывает тебя полностью, то ты не можешь обращать на него внимание потому, что оно повсюду. В такие минуты не замечаешь ничего. И вот я смотрю в окно на то, как белый снег соединяет серые части природы, а мое сердце в этот миг кто-то рассекает ножом, нарезая мелкие кусочки... ррраз... Больно. Начинаю дышать чаще.

Передо мной бутылка коньяка и бокал. Всякий раз, когда я чувствую это убийственное «ррраз», то съеживаюсь, наливаю себе чуть-чуть и выпиваю залпом. Пусть немного, но это помогает. Становится жарко, и ком, стоящий монолитом в горле, какое-то время давит меньше. Этот горький шоколадный вкус коньяка, который так хорошо знал Ремарк, описывавший безысходность, знаю теперь и я. Выпив, я разглядываю сценку, где показывают, как слезинка коньяка сползает по стеклу на дно бокала,

который я держу в руке. Слезы коньяка на стенке бокала, слезы снега на стекле окна. И только мои глаза без слез. Ты говорила, что много плакала, расставаясь со мной, да я и сам это видел. Если бы я умел плакать, мне, возможно, было бы легче. Но я не умею... ррраз...

Вот уже четыре дня, как все мои телефоны отключены, я не выхожу в Интернет, я не хочу никого видеть или слышать. За сегодняшний день я не сказал ни слова. В последние дни все слова мне стали казаться пустыми. Сколько же еще дней будет наполнено этими пустыми словами? К чему слова? Лучше сейчас ни с кем не говорить, потому что я могу говорить только о том, что остальным неинтересно, а другие могут лишь о том, что не занимает сейчас меня. Да и о том, что режет меня ножом по сердцу, мне и поговорить-то не с кем. Ведь раньше я говорил о важном с тобой, а теперь тебя больше нет... Поэтому я только шагаю по комнате из угла в угол, и это почти все, что я делаю. Мерные, ровные шаги — сколько их? Тысячи и тысячи шагов по диагонали комнаты, там, где никого нет, кроме меня, там, где уже нет наших голосов, там, где одиночество бросилось в объятия тоски, заменив этими объятиями наши с тобой...

Свет не включен. Устав ходить, рассекая мрак, я сажусь за стол и пишу эти строки, потом снова хожу, и так весь день. Мне не нравятся слова, которые я пишу, мне кажется, что они не способны передать мои чувства. Приходится черкать и находить все новые и новые. Не писать я все равно не смогу — это единственное средство борьбы с пустотой — заполнять ее мыслями о ней самой. По крайней мере, единственное средство для меня. Если я не буду этого делать, боль разорвет меня на части и выбросит за борт жизни. Быть может, кому-то все эти слова покажутся никчемными и жалкими, но об этом я сейчас не думаю. Писать сейчас — это способ выжить, ибо эта повесть честна и пронзительна, как удар ножом... ррраз...

2

*Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все, кроме тех, кто нужней,
Я не верю судьбе, я не верю судьбе...*

(«Корабли», В. ВЫСОЦКИЙ)

На улице свежо. Пар идет изо рта — даже холодно, но я, наверное, не чувствую. Мне стало душно в помещении, и я вышел ненадолго. Пасмурный воскресный день оказался слишком холодным и невеселым для прогулок, поэтому на улице нет ни души. Стою лишь я, и тишина снова рядом со мной. Напротив дерево, почти все листья которого осыпались желтым ковром на землю. Так и твоя память обо мне скоро осыплется в грязь, и все то, что было для тебя так дорого и близко полтора года, станет вдруг далеким, ненужным и почти полностью забытым. И сколько бы ты ни говорила, что

будешь помнить меня всегда, будет именно так. Помнишь, ты раньше клялась, что никогда меня не разлюбишь?.. Горько.

А я буду помнить все. Ты же знаешь, я никогда ничего не забываю. И твои глаза, которые смотрели на меня как на икону, влюбленно ловя каждое мое слово, я тоже не забуду. Ты была совсем еще робкой девочкой, когда я впервые увидел эти твои глаза, и мне не надо было вглядываться, чтобы прочесть в твоём взгляде любовь. Это великое чувство поглотило тебя и растворило в своём котле. И весь мир для тебя был я, и все самое важное, что следовало делать в этом мире, было связано со мной. К любой моей просьбе ты относилась так серьёзно, что я иногда боялся твоей исполнительности. А ты всегда боялась, что я тебя брошу, — теперь это кажется странным.

Нам было хорошо вместе. Впрочем, видимо не всегда, иначе бы ты не ушла. Птицы, пересекающие осеннее небо, ищут места для хорошей зимовки, покидая край, где поселился холод. Так и ты покинула мою жизнь, выскользнула из моих объятий так неожиданно. Хотя для тебя это началось давно, просто я был слеп. Я верил в твою любовь — а как в неё можно было не верить? Помнишь, как я в сентябре задержался, когда ехал к тебе на море? Задержался всего на час, но ты думала, что со мной могло что-то случиться, и волновалась до слез. Когда я наконец приехал, ты рыдала у меня на плече так, будто я вернулся живым с фронта. Прямо на улице, под звездным небом, навзрыд, не скрывая своих чувств. Как я мог в это не верить? Более искренних слез я не видел за всю свою жизнь. А позже ты призналась, что всего спустя пару дней уже встречалась со своим новым возлюбленным. Как же это можно одновременно: и другого завести, и такие чистые слезы по мне лить? До сих пор понять не могу. Я только понял, что тот, кому слишком хорошо в сентябре, всегда должен помнить про то, что ноябрь может наступить на горло горьким разочарованием. А я так тебе верил...

Уже четвертый день, как тебя не стало. Совсем. Хотя расставались мы долго. Целый месяц. Ты все никак не могла решить, с кем тебе быть. Нет, неверно. Ты все никак не могла расстаться со мной... Даже не так. Ты все никак не могла признаться мне, что уходишь. Но наконец ты решилась мне это сказать окончательно. Ты пришла, заявив, что плакать больше не будешь, и... расплакалась. А и не важно все, что ты говорила тогда!.. Тогда? Это было всего четыре дня назад. Четыре дня назад. Какая же пропасть между тем днем и сегодняшним... Важно было только одно — уходишь. Почему? Тянет. И все стало ясно. Тянет к другому, значит, ко мне не тянет, значит, что-то перегорело, что-то ушло. И все же понять не могу. Все хочется верить, что это ошибка, что это какой-то страшный сон, наваждение, что если сильно зажмурить глаза, а потом открыть, то я увижу то прекрасное здание наших отношений, которое мы выстроили. Но, открыв глаза, я вижу только осыпавшуюся листву дерева, словно руины этого здания, а на губах нет твоего поцелуя — вместо него горечь коньяка. Все в этой жизни можно вернуть, но, как правило, самые любимые не возвращаются.

И вот одинокая слеза неловко сползает по моей щеке. Всего одна слеза, но она первая за последних пятнадцать лет. Сползла, и нет ее, но я ей удивлен — не думал, что смогу. И еще удивлен, что могу удивляться сейчас. Но много слез не будет, просто не получится. И на бумаге, где я пишу эти слова о тебе, не будет воды моих глаз, будет только кровь моего истерзанного сердца... рраз...

3

*Ты слишком далеко от меня, слишком далеко от меня...
Как воздух от огня, вода от волны, сердце от крови.
И вот я падаю вниз... уже в двух шагах от земли —
Господи, смотри!*

...

*Господи, если я вернусь, то я вернусь чистым.
Все остальное за мной.
Научи меня имени моей тоски...*

(«Имя моей тоски», Б. Гребенщиков, АКВАРИУМ)

Уже поздно, и стало совсем темно. Я зажег свечу и смотрю, как колеблется во мраке ее одинокое пламя. Она горит, несмотря на темноту вокруг, и будет гореть, сколько ей отведено. Так и я буду жить, невзирая на то, что вокруг себя чувствую лишь холодную пустоту. И не только вокруг себя... Свеча роняет капли воска, я роняю слова на бумагу, благодаря ее свету. Иногда кажется, что моя душа заледенела намертво, потому и нет слез — этого тающего льда души. И тогда я подношу руку в огонь, чтобы что-то почувствовать и отвлечься от боли, идущей изнутри.

Тебя нет со мной, сейчас ты за тысячу километров, но пока ты нужна мне, как и ранее. И как огонь не может гореть без воздуха, как сердце не может биться без крови, так и я, разлученный с тобой, могу лишь ходить из угла в угол комнаты и писать эти строки муками своей души, глядя на одинокое пламя свечи... Что говорить?.. Мы как две половины одного целого, которые разняли и отбросили друг от друга. А ты так не считаешь...

Еще когда все не было решено окончательно, я ходил повидаться с НИМ. Смотрел в ЕГО глаза, но не просил оставить тебя со мной — нет. Я просил ЕГО о справедливости, просил, чтобы ОН принял то решение, которое будет верным для нашей жизни. И если суждено мне тебя потерять, то я снесу эту муку, я выпью всю боль по капле до дна, пройду тот путь, который мне предначертан, пройду его достойно, пусть даже стиснув зубы от отчаяния. В первый раз, когда я пошел к НЕМУ, ты писала мне прощальную СМС, но так и не смогла его отправить, зародив этим во мне надежду. Второй раз я ходил к НЕМУ уже после нашего расставания. ЕГО глаза лились мне в душу печалью, я поблагодарил и принял свою боль.

Жизнь мудрее нас, ибо мы знаем только то, что сейчас, а она знает и то,

что будет с нами после. Быть может, надо пройти через этот ноябрь, чтобы стать чище, мудрее, чтобы возвыситься до любви, пусть через боль, пусть преодолевая ненависть. А порой мечется мысль и хочется мести, а ведь я мог бы... Но не за что мстить, было бы несправедливо. Не для того я говорил с НИМ, чтобы сеять несправедливость после. Может, я был к тебе несправедлив раньше? Мечь в нашем случае — это и слабость, и несправедливость, и надо бороться за свет в своем сердце. Во что бы то ни стало надо бороться с искушением... отомстить. Но, когда ты повторяла как заклинание свое «прости меня», я всегда говорил, что прощает лишь Бог, а удел человека — действие.

И я сделал все, что мог, чтобы сохранить тебя. Но словно мы стоим на огромной льдине и между нами прошла трещина прямо по льду, глубокая трещина, которая рассоединила нас. Твоя рука выскользнула из моей, а я тяну к тебе руки и иду навстречу. Сделай же и ты шаг навстречу, сделай движение, чтобы сохранить меня, чтобы холод льда и пропасть трещины не разлучили нас — перейди на мою сторону! Это еще легко сделать! Но ты безмолвно качаешь головой и убираешь руки за спину... Прав Шекспир, сказавший, что все влюбленные обещают сделать больше, чем могут, а не исполняют даже возможного. Помнишь, как ты клялась свернуть ради меня горы? А ведь не смогла сделать даже маленький шаг вперед. Ты оказалась слаба? Помнишь, как ты вернула мне аметист, который отпал от брелока? Вернула при чужих, чтобы не обсуждать, что ты не смогла его исправить, помнишь? Ты словно от любви отказалась тогда... А я его исправлю, вот посмотришь. Чего бы мне это ни стоило.

А слезы все катятся из твоих глаз, и ты просишь отпустить тебя. Хорошо. Я сильный — я все выдержу. Ступай. Суждено. Пусть сейчас все будет так, но я еще долго буду пытаться тебя вернуть — до тех пор, пока не буду видеть, что любовь ко мне покинула твое сердце, до тех пор, пока ОН не скажет мне оставить тебя. И что стоят все преграды на пути, если на моей стороне сила Любви?

Такова судьба, хоть я ей и не верю сейчас, хоть я цепляюсь за любой шанс изменить ее — ты же знаешь — я не из тех, кто сдается. Но даже если и удастся что-то изменить, то это уже будет не продолжение старого, а нечто новое, иное. Того, что было, уже не вернуть, и так, как у нас было вчера, уже не повторить. Завтра у нас будет только так, как может быть завтра. Да, может, это и к лучшему... Преодолеть себя и подняться до Любви — иного не надо.

Ревности нет в моем сердце, хотя мы с тобой прекрасно знаем, где ты проводишь эти четыре дня. Я никогда тебя не ревновал, и было бы глупо начинать это делать тогда, когда ты от меня ушла. И это не самое страшное, что в тот момент, когда ты с другим, я читаю перед сном о том, как Вейннингер довел себя до самоубийства. Это — ерунда. Помнишь, перед самым нашим расставанием я поднял тост за глупость, потому что за нее нам приходится платить дороже всего на свете? Возможно, я где-то сглупил в отношениях с тобой, а может быть, ты делаешь глупость, уходя от меня. Все

это покажет время. Но пока я отключил свои телефоны еще и потому, что мне больно знать, что ты четыре дня мне не будешь звонить и даже думать обо мне не будешь. И мне будет неприятно видеть, что ты звонишь, читать твои послания на телефон с просьбами простить... Все будет плохо. Так лучше отключить связь совсем и не знать, что происходит у тебя.

Тебе стало легче? Что ж, пусть ты будешь в уверенности, что и у меня все нормально, ведь ты пообещала себе, что из-за тебя мне никогда не будет плохо. Травить тебе душу своей болью и укорять за твой выбор я не буду. Хоть ты и говоришь, что тебе было бы легче, чтобы я кричал на тебя и оскорблял бы, чем сносить мое молчание. Но обвинять тебя — это несправедливо и недостойно. Лучше молчать, ведь наши слова должны быть лучше нашего молчания. Хороших слов о нашей ситуации у меня нет, вот я и буду молчать с тобой о ней. И единственное, что я тебе сказал, — это четыре строки, отправленные почтой:

...Бежать во мрак — не значит уходить,
И отпустить — не значит упустить,
Не отомстить — не значит все простить,
И порознь быть — не значит не любить...

Я даже не знаю, прочтешь ли ты эти строки. Впрочем, это в любом случае все, что я тебе хотел сказать напоследок. А твой ответ на это, если он будет, я не прочту. И через месяц, быть может, мы снова будем говорить, решать жизненные проблемы, будем «оставаться друзьями», но об этом мраке ноября я тебе не скажу. Незачем. Я знаю, как и Ницше, что все, что не убивает, делает нас сильнее. Но, может быть, во мне что-то умерло?

Чуть позже я допишу эти строки и подожгу листы бумаги огнем свечи. Буду смотреть, как они горят, как горят мои слова о тебе, как в языках пламени полыхает моя, выброшенная в буквы любовь. Так начну большую работу — в крематории моей, скованной льдом души надо переплавить любовь к тебе. А это не так легко. Но теперь у тебя будет все без меня: и мысли другие, и чувства к другому, и интересы иные, и январская стужа будет бросать тебя в чужие объятия, а не в мои, и мартовская капель будет радовать звоном другое сердце рядом с тобой. Все будет без меня. Поэтому сейчас моей любви суждено быть сожженной на костре тоски, а после быть развеянной ветром печали.

4

*У меня была любимая... Она отреклась...
Я ухожу налегке.*

(х/ф «Тот самый Мюнхгаузен», реж. Марк Захаров)

Когда ты в первый раз рассказывала мне о своем новом увлечении, еще тогда, когда ты, заливаясь слезами, лежала у меня на коленях, еще тогда я почувствовал, чем все кончится. Принять не могу и сейчас, а почувствовал

еще тогда. Ты не видела — была увлечена своим рассказом о вашей ночи, — как я поднял глаза и посмотрел вверх.

Господи! Я словно ледокол, который облечен важной миссией — разбивать льды и идти к своему пункту назначения. И что бы ни случилось, мне надо идти к своей цели, кто бы ни шел со мной, кто бы ни уходил прочь, что бы ни случилось на борту или за бортом. Надо просто идти вперед, ибо та цель, к которой иду, больше, выше и важнее, чем все то, что сопутствует движению к ней. Это больно сознавать, что надо всем жертвовать ради своей цели, а жертвовать еще больнее. Но почему же так? Зачем же я не могу быть вместе с тем, кто мне дорог, кто разделяет мои мысли и чувства? Какая сила отбирает у меня дорогое и за что?!

Знаешь, что для меня больнее всего? Я никогда тебе не говорил этого и не скажу, но самое страшное это то, что ты знала мой мир: мои мечты, мои идеи, то, чем я живу и дышу, то, что больше меня, и то, без чего я не мыслю жизни своей. И, зная все это, ты отреклась от этого моего мира, выбрала путь в другой. Помнишь, сколько раз за последние дни ты в слезах говорила, что не предавала меня? Помнишь? А ведь я никогда и не упрекал тебя в предательстве. Почему же ты говорила тогда мне это? Не беспокойся. Ты не предавала, ты — отреклась. Как говорил Мюнхгаузен: «У меня была любимая. Она отреклась. Я уйду належке». Дай-то Бог, чтобы мне тоже стало легче.

Я не осуждаю тебя и не кляню твой выбор — я его не знаю даже толком. Но меня бросает в дрожь при одной мысли о том, что ты будешь пересказывать мои мысли другому и вы вдвоем, возможно, будете весело посмеиваться над моими идеями, пусть даже незлобно. Нет, это не ревность, это что-то другое. Это моя плаха твоего отречения.

Смогу ли я кому-нибудь говорить о своем мире? Что же это за наказание — идти вперед и нести мысли и слова? Зачем это все, если даже та, что меня любит, отворачивается от меня и всего, что со мной? Кому это тогда нужно? Для чего это, кроме как чтобы доставлять мне боль?..

Снова смотрю в окно, но за окном тьма и не видно уже ничего. Лишь на стекле окна в мерцании свечи отражается мой силуэт. И еще... если всмотреться, то можно различить в отражении что-то неприятное слева от моей головы. Это черт, сидящий на моем плече.

— Больно? — Черт улыбнулся. — Это ничего, это пройдет. Бывает и хуже, и, может, хуже и будет. У тебя ведь есть дар, а за такое надо платить дорого. Очень дорого. И жизнь со всеми ее муками бывает не всегда достаточной платой. Не я дал тебе твой путь, но я тебе на него укажу. Пиши, друг мой, работай, и я уверяю, что еще не раз будет больно. В тебя будут лететь искры ярости завистников, комья грязи глупцов, тебя будут презирать, упрекать, ненавидеть. Едва ли найдешь того, кто сможет тебя принять. Но мысли упадут на бумагу светом, и слова дадут всходы, которых ты, быть может, и не увидишь в их великолепии. Будь спокоен, кому-то это нужно. Очень нужно.

— А я, — черт подмигнул мне, — буду тебя навещать иногда. Все

равно рядом больше никого не будет стоящего — я постараюсь. Разбей свою душу, излей содержимое чернилами на бумагу, а я буду перебирать ее осколки и смотреть, как они переливаются на солнце. Ты что, всерьез думал постигать таинства человеческих душ без того, чтобы разорвать в клочья собственную? Нет, друг мой, чтобы сыграть прекрасную мелодию, надо прежде хорошо настроить инструмент и подготовить исполнителя. Думаешь, это большая жертва? Но настоящее искусство всегда требует жертв. Всегда, слышишь? Всегда...

— Поглядим. — Я плюнул за свое левое плечо, закрыл окно, аккуратно опустил жалюзи и медленно... чертовски медленно... ушел через дверь навстречу серым небесам. Ушел в АД ноября.